

Ея превосходительству,

Марии Александровны

Лоншиновой.

въ знакъ глубочайшаго по
чтенія и преданности
отъ переводчика.

П А Р И З И Н А.

ПАРИЗИНА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ЛОРДА БАЙРОНА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

В. ВЕРДЕРЕВСКАГО.

~~~~~  
Quis enim modus adsit amori?  
VING.  
~~~~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ пѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было семь экземпляровъ сей книги въ Главный Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, 9 Сентября, 1827 года.

Цензоръ Константинъ Сербиновичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сія Поэма основана на происшествіи, о копоромъ упоминаеть *Гиббонъ* въ *Древностяхъ Брауншвейскаго Дома*:

«Въ Царствованіе *Николая III*, Феррара была свидѣтельницаю кроваваго зрѣлища въ семействѣ своего Государя. Маркизь *д'Эсте*, по доносу одного изъ своихъ Придворныхъ, собственными глазами удословѣрился въ преступной связи супруги своей *Паризинь* съ побочнымъ сыномъ его, *Гюгомъ Беати*, прекраснымъ и храбрымъ

юношею. По приговору оскорбленнаго отца и супруга, опрублены имъ обоимъ головы. Сія казнь сдѣлала его позоръ гласнымъ. Маркизь пережилъ свое несчастіе: великое, если они дѣйствительно были виновны; несравненно бѣльшее, если они были невинны.» (*Гиббонъ, Смѣсь.*)

Самовластный Байронъ сдѣлалъ слѣдующія опсупленія опъ Гиббона разсказа :

Имя Николая III замѣнилъ онъ именемъ Азо. Я назвалъ его Родригомъ для того, чшобъ избѣжаешь непріятнаго сліянія гласныхъ буквъ сего имени съ гласными предыдущихъ или послѣдующихъ словъ.

У Гиббона, Маркизь д'Эсте *собственными* глазами удостовѣрился въ пресупленіи Паризины;— у Байрона, ей измѣняешь сонъ. Историкъ повѣст-

вуетъ о казни обоихъ преступниковъ;—Поэтъ обезглавилъ одного Гюга: судьба Паризины осталась неизвѣсною; но за то, какъ искусно, какъ живо изобразилъ онъ ея сумасшествіе!

Боюсь, говоритъ Байронъ, что въ наши новѣйшія времена, мѣлочная причудливостъ чипапелей объявишь такой предметъ недостойнымъ Поэзіи. А Шиллеръ, Альфіери, самъ Расинъ?... Развѣ предметы ихъ Трагедій были возвышеннѣе? Мы негодуемъ на страсть Феды къ Ипполиту; но Паризина, обрученная Гюгу и потомъ исторгнушая изъ его объятий, возбуждаетъ тихое, невольное сожалѣніе:

Peccatum magnum, at humanum!

TERENT.

ПАРИЗИНА.

I.

Низходишь ночь; въ ѣбни вѣпвей
Уединенный соловей
Свой громкій голосъ разливаешь.
Молчишь окрестная спрана;
Природа сладкій сонъ вкушаешь:
Одна любовь не знаетъ сна.
Шумъ вѣтерка, воды журчанье,
Пишаютъ тихое мечпанье; —
И окропленные росой
Цвѣты лѣютъ благоуханье;

Проспиранство тверди голубой
 Сіяесть блѣдными звѣздами, —
 И отражается водами.
 Воспаесть шуманъ; темиѣесть лѣсь;
 На сводѣ сумрачныхъ небесъ
 Сей чистый, кропкій свѣтъ блискаетъ,
 Чпо зримъ вечернею порой,
 Когда предъ яркою луной
 Заря блѣднѣя попухаесть.

II.

Фоншану ль бьющему внимають
 Одна, въ раздумьи, Паризина
 Идетъ изъ мраморныхъ налапъ
 Феррары гордой Власпелина?

Къ звѣздамъ ли яркимъ вперены
Ея задумчивые взгляды?
Иль жаждетъ грудь ночной прохлады
И упоенья пишины?
Пришла ль сорватьъ цвѣпокъ душистой?
Иль вызвалъ прелюю голосистой
Ее пѣвецъ молодой весны?...
Ахъ! нѣтъ! она его не слышитъ:
Спускаетъ медленно, — чуть дышитъ;
Блѣдна, въ волненьи пляжкихъ думъ
Остановилась; легкій шумъ
Къ себѣ привлечь ея вниманье:
Ее зовущъ!... любви призванье!..
Знакомый голосъ шепчетъ ей,
Сливаясь съ шрепетомъ вѣтвей.
Кто къ ней подходитъ поропливо?

Кто такъ прильнулъ къ ея устамъ?
Кто, дерзновенный и счастливой,
Въ воспоргѣ палъ къ ея ногамъ?...

III.

Лепяпъ крылапыя мгновенья!
Но имъ не слышенъ ихъ полетъ.
Земля и небо, — всѣ творенья
Для нихъ исчезли! жизни нѣтъ
Въ ихъ чувствахъ; мерсное забвенье
Объяло ихъ, — и блѣдный страхъ,
И совѣсть, дремлющъ въ ихъ сердцахъ.
Увы! счастливыцы забывающъ,
Что обольстительные сны
На мигъ единый имъ даны:
Едва мелькнушъ — и оплешающъ!...

IV.

Еще пылалъ на ихъ щекахъ
Огонь любви и нѣги томной;
Они идутъ: разсвѣтъ нескромной
Имъ измѣнилъ бы въ сихъ мѣстахъ.
Надежду близкаго свиданья
Лобзаньемъ Гюгъ запечаплѣлъ;
Но медлитъ часомъ распаванья:
Казалось онъ однѣ спраданья
Во пмѣ грядущаго прозрѣлъ.
Надъ ними звѣздныя равнины
Горятъ; сіяніе луны
Вдругъ облеснуло съ вышины
Чело прелеспіной Паризины;
И мнитъ ей: не умолятъ

Ея молишвы Провидѣнье;
И сонмы звѣздъ, на ихъ паденье,
Какъ обвинишели глядяшъ.
Имъ вняшень сей укоръ священный!
Еще невольнo ихъ успа
Слились, — и юная чеша
Разспалась,

V.

Мракомъ окруженный,
Прокрался Гюгъ на ложе сна.
Межъ тѣмъ, невѣрная жена,
Въ шревогѣ хладнаго испуга,
Къ груди довѣрчивой супруга
Идешь склонить свою главу:
Мятежный сонъ ее волнуешь.

Она въ забвеньи имянуешьъ
Того, чье имя на яву
Опъ всѣхъ украдкой призывала;
Чей образъ, въ пишинѣ ночной,
Смушилъ души ея покой.
Она хладѣла и пылала;
Но блѣдный цвѣтъ ея чела
Вдругъ оживился; — въ нѣгѣ спраспной,
Мечпой обманута неясной, —
Она Родрига обняла.

VI.

Самолюбиво, сладко дремлешь
Въ объятіяхъ супруги онъ;
Едва дыша, сквозь легкій сонъ,
Признанью Паризицы внемлешь, —

И плакашь въ радости гошовъ!
Но вдругъ, ея прерывныхъ словъ,
Онъ смыслъ проникнулъ сокровенный,—
И съ ложа спрянулъ испугленный!
Запрепешаль. . . . оцѣпенѣль. . . .
Какъ бы надъ нимъ, въ сіи мгновенья,
Глаголы Неба возгремѣль
Архангель — вѣспникъ разрушенья.
Нѣтъ! зовъ трубы, что въ небесахъ
Раздастся надъ его могилой:
Не попрясешъ съ такою силой
Его копей исплѣвшій прахъ.
Свершилось! счастіе земное
Упраздиль онъ въ единый мигъ.
Онъ слышалъ имя роковое;—
И тайну спрашную носпигъ.

Когожь, Родригъ! пвоя супруга
Въ свои объятія звала?
Чье имя вслухъ произнесла
Въ пылу мечтаній?... имя Гюга!...
Возможно ль? имя Гюга!... Нѣтъ!
Онъ кровь пвоя, — сынъ Бланки нѣжной;
Не ты ль, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Старая спрастью безнадежной,
Младую Бланку обольстиль?

VII.

Пылая гнѣвомъ, обнажилъ
Онъ свой кинжалъ до половины;
Извлекъ его, — оцѣпъ вложилъ.
Ужели кровью Паризины
Свою онъ руку обогрипъ?...

О! какъ она глубоко спитъ!
Какъ улыбается прекрасно!
Онъ тихій сонъ ея щадитъ;
Но какъ сурово и ужасно
На Паризину онъ глядитъ.
Когда бъ она Родрига взгляды,
При свѣтѣ гаснущей лампы,
Внезапно повстрѣчалъ могла:
Она бъ сихъ взглядовъ не снесла!
Но Паризина умолкаетъ;
Упихъ ея нескромный бредъ;
И какъ младенецъ почиваетъ
Не зная ей грозящихъ бѣдъ.

VIII.

Едва блистаніе денницы
Осеребрило небосклонъ,
Ужь распворилась дверь ложницы.
Родригъ, покинувъ хладный сонъ,
И полный гнѣва и тревоги,
Идесть въ обширные черпоги
Толпой Придворныхъ окружонъ.
Все испытуешъ взоръ ревнивый;
Князь спросилъ своихъ рабовъ:
И царедворецъ боязливый
Быль обвинилелемъ готовъ.
Онъ, избѣгая наказанья,
Свои обдумалъ оправданья;
И, съ хитрой злобою знакомъ,

Спѣшивъ безславьемъ и стыдомъ
 Покрыть младую Паризину,
 И Гюга порицать любовь.

IX.

Какъ спрашно гнѣвъ волнуешь кровь!
 Опмщенью милость не знакома!
 Наслѣдникъ Царственнаго Дома
 Маркизовъ Эстскихъ, повелѣль, —
 И учрежденъ Совѣтъ Верховный.
 Онъ самъ на пронъ опцовъ возсѣлъ:
 И предъ судилищемъ, безмолвный,
 Но съ свѣплымъ взоромъ Гюгъ споялъ
 Съ своей подругою смущенной,
 Какъ онъ цѣпями опягченной;
 И равнодушно ожидалъ,

Безъ унизительной боязни,
Съ величьемъ яснаго лица,
На жизнь ему, на мѣсто ль казни
Укажешь гнѣвный перстъ опца?...

Х.

Блѣдна, безмолвна Паризина,
Внимаетъ въ горести своей,
Что изрѣчетъ совѣтъ мужей
Покорныхъ волѣ Власпелина.
Внезапной скорбью сражена,
Какъ измѣнилася она!...
Давно ль небесной красою
Она сердца къ себѣ влекла,
И на пирахъ одна была
Забавъ и радостей душою!

Ей удивлялся пышный Дворъ ;
Ей дѣвы съ завистью внимали ;
Ея улыбку, поспуль, взоръ,
Осанку, — все перенимали !
И если бѣ изъ ея очей
Тогда одна слеза упала
Сверкнули бѣ тысячи мечей ;
И смѣлыхъ рыцарей, предъ ней,
Дружина бѣ вѣрная предспала ;
Гдѣ жъ власть ея ? шеперь она
Рѣкою слезы проливаетъ :
Кпо къ ней спѣшишь ? кпо ей внимаешь ?
— Никто ! нѣмая пищина
Объемлетъ грозное собранье ;
Обидный знакъ негодованья
Напечатлѣнъ на всѣхъ устахъ .

Обезоруженный , въ цѣляхъ ,
Младой Герой избранный ею ,
Хошѣлъ бы жизнью своею
Свободу милой искупить ,
На всѣ опасности готовый ;
Но какъ сорвать , какъ сокрушить
Ея поспыдныя оковы?....

XI.

Она рыдала , — Гюгъ шайль
Испочникъ слезъ предъ судіями.
О! какъ бы сердце облегчилъ
Онъ сими прудными слезами!....
Онъ ободрился и взглянулъ
На предспоящую дружину ,
И на опца , — но не дерзнулъ

Возвѣсть очей на Паризину.
Воспомянанье прежнихъ дней,
Его любовь и преспуленье,
И гнѣвъ Родрига, и презрѣнье
Всѣхъ добродѣтельныхъ людей;
Немолчной совѣсти укоры,
Его судьба и *здѣсь* и *тамъ* :
Все, все предспавилось очамъ!...
Дерзнешь ли успремишь онъ взоры
На ту, чье юное чело
Такъ помертвѣло, опцвѣло?...

XII.

Родригъ вѣщалъ, — и все собранье
Хранишь глубокое молчанье:
« Вчера гордился я побой

Неблагодарная супруга!

Вчера счишаль я сыномъ Гюга:

Заутра сонъ исчезнулъ мой.

Я вопросилъ Совѣтъ Верховный,

И приговоръ изрекъ спеша.

Молися Гюгъ! съ закапомъ дня

Ты примешь смерть. — Опець духовный

Тебя здѣсь будеть упѣшашъ,

Своей бесѣдою свяпою:

Иди! я не могу съ побою

Единымъ воздухомъ дышашъ....

Преспуникъ! казнъ шебѣ гошова.

Ты оскорбилъ опца земнаго,

Съ Опцемъ Небеснымъ примиришь:

Лей слезы, вѣруй и молись.

Я не узрю твою кончину;

Не на меня, — на Паризину
Твоя опъ плахи брызнешъ кровь.
А пы! кляни свою любовь,
И роковое заблужденъе....
Ты ввергла Гюга въ преспуленъе!
Не внимлю я пвоей мольбѣ;
И въ казнъ дарую жизнь тебѣ.»

XIII.

Умолкъ; но всѣ еще внимали.
Родригъ пошупилъ взоръ къ землѣ;
И сильно вдругъ запрепсали
Всѣ жилы на его челѣ.
Желая скрыть души волненъе, —
Закрывъ лице. Въ сіе мгновенье
Оковы звукнули, и — вдругъ,

Съ подъяшой дланью вышелъ Гюгъ,
И пребоваль спокойно слова.
Родригъ даль знакъ, — и онъ вѣщаль:
« Ты повелѣль, мнѣ смерть гошова.
Когда же взгляды ея смуцаль
Мой духъ въ опасностяхъ веселый?
Ты самъ меня въ сраженьяхъ зрѣль:
Когда предъ спроемъ я блѣднѣль?
Когда дремалъ мой мечъ тяжелый?....
На остріѣ сего меча,
Враговъ опгизны кровь дымится:
Вели жь сѣкирѣ палача
Моею кровью обагришься!
Ты даль мнѣ жизнь; но я ль молилъ,
Желалъ ли сей постыдной жизни?
Тебѣ, опецъ мой! — укоризны

Печальный даръ сей заслужилъ.
Я сохранилъ воспоминанье
О милой матери моей:
И кто оплакивалъ живѣй
Ея позоръ, ея спраданье!
Она, изъ горнихъ, надо мной
Въ послѣднѣй часъ мой пронесется;
Она мнѣ тихо улыбнется
Своей улыбкой неземной!
Родригъ! пшвой сынъ — соперникъ пшвой:
Но ты разрушилъ счастье сына;
Ты пресупленію вина;
Не мнѣ ль была обручена
Кольцомъ и сердцемъ Паризина?
Не ты ль ее, во цвѣтѣхъ лѣпшъ,
Испортулъ изъ моихъ объятій;

И не спрашась моихъ проклятій,
Разрушилъ птвердый нашъ обѣтъ?
Мое безчестное рожденье
Мнѣ возбраняло путь на пронъ;
Но мнѣ внимало Провидѣнье, —
И я былъ чести обречёнъ.
Не славой предковъ озаренный,
Блитсяшь мужеспвенный Гюгъ:
Нѣшь! я хотѣлъ цѣной заслугъ,
Моею доблестью военной,
Моею кровью наконецъ —
Желанный пріобрѣсть вѣнецъ.
Пускай вельможи сынъ презрѣнный,
Въ своемъ ничтожествѣ надменный,
Злапою шпорою звучить;
Моею шпорой уязвленный

Мой конь меня въ сраженъе мчишь.

Враги, смяпёнными полпами

Бѣгутъ, спасаются окрестъ;

И я, вызывая: *слава, Эстъ!* —

Лечу за блѣдными врагами.»

« Не приношу въ винѣ моей

Я малодушныхъ оправданій:

Блаженъ, кому не много дней

Осталось для земныхъ спраданій.

Я сердцемъ къ жизни охладѣлъ,

Я жажду сна — безъ пробужденья!....

Ты, моего происхожденья

Облагородишь не хопѣлъ.

Но образъ мой тебѣ уликой,

И сына не опринешь пы:

Въ моихъ черпахъ — твои черпы;

Я опъ тебя пріяль сей дикой,
Неукропимо-пылкой нравъ,
И взира мрачную свирѣпость.
Почто же ты смутился вдругъ?
Такъ, опъ тебя несчастный Гюгъ
Наслѣдовалъ десницы крѣпость!
Твоя душа въ мою влилась,
И жизнь пвоя — во мнѣ зажглась!....
И въ жизни сей, на мигъ мнѣ данной,
Я сходнымъ былъ всегда съ побой:
Лѣнивый презиралъ покой,
И упивался славой бранной.
Въ равнинѣ, прупами успланной,
Облекшись свѣплой броней,
Подъявъ мечи, врагамъ на вспрѣчу,
Какъ часто мы своихъ коней

Спресли вѣ пламенную сѣчу?
Проледшій и грядущій мигъ, —
Равны; вся жизнь — одно мгновенье!
За чѣмъ о смерть! въ пылу сраженья
Меня ударъ твой не поспигъ?....
Ты опнялъ у меня, Родригъ,
Мать и невѣсту, — что мнѣ было
Такъ утѣшительно и мило!
Моя вина въ твоей винѣ:
И ты себя казнишь во мнѣ.»

XIV.

Сказалъ — и зазвѣнѣвъ цѣпями,
На персяхъ руки онъ скреспилъ.
О! какъ сей звукъ печалень былъ!
Всѣ смотрятъ грустными очами

На Паризину; но она-

Споить недвижна и блѣдна.

Раздался въ залѣ ропотъ шумный;

Взглянулись робко судіи;

Она не внемлетъ; — въ забытій

Блуждаетъ взоръ ея безумный.

Съ какой-то мертвою бѣлизной

Лазурь очей ея сливалась.

Она безжизненной казалась,

Какъ хладный мраморъ гробовой.

Уста раскрытыя молчали;

Языкъ внезапно онѣмѣлъ;

Но вздохъ, глубокой вздохъ печали,

У ней изъ сердца излетѣлъ.

Она пропѣжно заспонала,

И снова силы напрягла;

Сказать хотѣла, — не могла —

И на помостъ безъ чувствъ упала.

Увы! она еще дышала....

Она жила но власть людей

Не возвращишь разсудка ей.

Онъ опуманенъ спрашной мглою;

Какой-то бредъ ея слова.

Такъ, въ непогоду, шепива

Разишь невѣрною спрѣлою!

Карпина пролетѣвшихъ дней

Не развивается предъ ней;

Грядущее во нѣмъ глубокой:

И лишь порою, одинокой

Надъ нимъ забрежетъ свѣплый лучъ.

Такъ молнія, блеснувъ изъ пучъ,

Пустыню въ полночь озаряетъ!

Она сквозь сонъ воспоминаешъ
Чпо было съ ней; чпо гдѢ-шо смершь
Кому-шо гибелью грозила;
Но гдѢ? Кому? — Она забыла!
Жива ль она? Небесъ ли пвердь
Просперша надъ ея главою?
Земли ль касается ногою?
Духовъ ли адскихъ иль людей
Толпы смѣняющіся предъ ней.
То плачь, то смѣхъ попеременно
Являли умъ ея смященной.
То вдругъ казалась вдохновенной!
Кого-шо радостно ждала;
Къ кому-шо руки проспирала;
То вся хладѣла, то пылала,
То ошвращалась, то звала!....

XV.

Пропяжно вдругъ колокола
На сѣрой башнѣ зазвонали:
И всѣ сердца запрепечали.
Къ чему сей погребальный звонъ?
Кому поюшь сей гимнъ печали?

Тамъ Гюгъ колѣнопреклонѣнъ
Предъ чернецомъ поникъ главою.
О горе! спрашною рукою,
Палачъ сѣкиру приподнялъ
И взоромъ жало испыталъ.
Ужъ воины идущъ ко плахѣ;
Народъ печетъ со всѣхъ споронъ,
Что бы узрѣвъ, въ безмолвномъ страхѣ,
Какъ будетъ сынъ опцомъ казненъ.

XVI.

Быль вечеръ; медленно свершало
Свѣпило дневное свой путь;
И тихо, тихо догорало:
Какъ будто бы еще взглянувъ
На смерть пресупника желало.
Гюгъ вспаль, — и кудри на плеча
Волною русою упали:
На нихъ, послѣдняго луча
Оштивы яркіе сіяли;
Но на сѣкиръ палача
Еще ярче засверкали.
О! какъ сей мигъ прискорбенъ былъ!
Какъ души всѣхъ оледѣнили.
Велико было пресупленье,
И приговоръ Закона святъ;

Но зришель ужасомъ объяпъ;
И лющся слезы сожалѣнья.

XVII.

Конецъ молишвѣ: часъ насталь!
Гюгъ зерны чешокъ перебраль,
Склоняясь въ прахъ главой смиренной.
Власы обрѣзаны; съ плеча
Его упала епанча.
И Паризины даръ безцѣнной, —
Сей шарфъ, во гробъ съ нимъ не сойдепъ,
Его палачъ съ него сорвепъ!
Сорваль; повязка ужъ гопова
Коснувшись блѣднаго чела....
Но гордоспъ сердце въ немъ зажгла;
Онъ ошполкнулъ ее сурово,

И полный гнѣва и поски
Вскричалъ: «Лей кровь мою ручьями!
Умру съ опкрытыми очами....
Смопри! окованъ я Сѣки!....»
Умолкъ, склонилъ главу безъ страха.
И внялъ чудовище слова;
Сѣкира звукнула съ розмаха,
И покашилась голова.
Ошпрянулъ шрупъ онъ хладной стали;
Кровь полилась волной на прахъ;
И вѣжды спрашно препешали
На закапившихся глазахъ.
Онъ умеръ съ вѣрой въ Провидѣнье;
Ея свяшаго утѣшенья
Гюгъ не хулилъ, не опвергалъ:
Онъ на землѣ себя смирялъ,

И жаждалъ съ Небомъ примиренья.
Когда на лоно чернеца
Главой успалой Гюгъ склонился,
Онъ все забылъ: любовь, опца, —
Онъ тихо плакалъ и молился.

XVIII.

Не смѣли Рыцари дышать;
Толпа безмолвіе хранила:
Казалось, хладную печать,
Смерть на уста ихъ наложила.
Оцѣпенѣвшія сердца
Таили робкое степенанье.
Но вдругъ, изъ Царскаго Дворца
Раздался вопль, — и вновь молчанье....
Невольный шрепеть всѣхъ объялъ;

Всѣ смонряшъ, слушають,—напрасно!...

Кто жь безнадежно пакъ взываль;

Подобно машери несчастной,

Когда убійца свой кинжалъ

Вонзипъ въ ея груднаго сына?....

Тебя узнали Паризина!

Сей жалобный, безумный гласъ

Былъ пивой! у всѣхъ однѣ желанья:

Чпобъ Богъ прервалъ пивои спраданья!

О! если бы въ сей самый часъ,

Свѣспильникъ дней пивоихъ погасъ!

XIX.

Всему конецъ! — неспало Гюга.

Его прекрасная подруга,

Какъ прежде, въ сумракѣ ночей,
Въ садахъ задумчиво не бродить;
И о прошедшемъ, не заводить
Родригъ съ Придворными рѣчей.
И даже имя Паризины,
Произносить бояться памъ:
Подобно спраннымъ пѣмъ словамъ,
Словамъ, копорыхъ звукъ единый
Раждаешъ въ сердцѣ тайный спрахъ.
И Гюгъ забыть; и крестъ смиренный
Его не оеѣняешъ прахъ:
Слывешъ нечислымъ трупъ казенный.

А Паризина! гдѣ она?....
Въ монастырѣ ль обречена
Къ трудамъ святаго покаянья?

Кинжалъ иль смертоносный ядъ,
Тюрьмы ли нестерпимый хладъ, —
Убили въ ней любви желанья?
Иль Небо, сжалилось надъ ней,
И нищъ ея пресѣкло дней
Въ минушу Гюговой кончины?
Все тайна мракомъ облекла!
Но жизнь несчастной Паризины,
Въ слезахъ настала и прошла.

XX.

Умчались дни во слѣдъ за днями;
Съ другой супругою Родригъ
Глубокой старости достигъ,
Другими счастливымъ сынами.

Но ни одинъ изъ сыновей,
Красой и доблестью своей,
Съ пѣмъ юнымъ брапомъ не равнялся,
Который спалъ въ сырой землѣ.
О немъ грустила и сокрушался
Родригъ; и дума на челѣ
Ему нарѣзала морщины:
Неизгладимые слѣды
Душевныхъ ранъ, нѣмой кручины,
Палящей горести бразды.
Равно безчувственный и хладный,
Печаль и радость онъ воспрѣчалъ;
И рѣдко, рѣдко-сонъ-опрадный
На ложе къ спарцу прилепалъ.
Ни похвалы, ни порицанья,
Ни злость людей, ни ихъ любовь, —

Его не волновали кровь.
Опъ черныхъ думъ воспоминанья
Не власпно сердце опдохнушь.
Какъ усыпить, чѣмъ обманушь
Неумолимая спраданыя?
Когда зима криспаломъ льда
Спруи попока одѣваешь:
Тогда опъ плѣна ускользаешь
На днѣ пекущая вода.
Воппе, скрывая чувствъ волненье,
Хопимъ мы слезы упайшь;
Воппе мечтаемъ преградишь
Ихъ своенравное печенье:
Неизліянныя, — онѣ
Кипящъ въ сердечной глубинѣ.

Родригъ, съ слезами сокрушенья ,
О незабвенныхъ воспоминаль;
Онъ имъ проспиль; онъ призываль
На нихъ Небесъ благословенья!
Но въ сердцѣ горешномъ пишашъ
Не смѣль надежды дерзновенной,
Несчастливыхъ жертвъ своихъ обняшъ
Блаженныхъ душъ въ спранѣ блаженной!
Такъ неопспупная шоска
Неправой совѣсти опмщаешъ.

Когда искусная рука
Больныя вѣпви опсѣкаетъ
Опъ свѣжихъ дерева вѣшвей:
Оно цвѣшетъ еще свѣжѣй.
Но если гнѣвными спрѣлами

Его пронзиль Небесный громъ :
Во прахъ склоненное чело
Оно засохнеть надъ корнями.

